Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

«…и наступит тьма…»

27.12.2022.

Photo © N. Sikorsky

Несмотря ни на что, сейчас все-таки время света и подарков; Lux и luxury. Я решила совместить и то и другое, отправившись слушать *Бориса Годунова* в Teatro alla Scala. Эту оперу я знаю наизусть; я видела ее… уже и не вспомню сколько раз, в самых разных постановках, в том числе в Большом театре Женевы и в цюрихской опере Opernhaus Zürich. Но первой для меня была все же постановка московского Большого театра, версия 1948 года, которая до сих пор жива, и чья зрелищность остается непревзойденной: роскошные костюмы и декорации, настоящие церковные колокола, начинающие звонить, и настоящий конь, разгуливающий по сцене, а за ним следует человек, готовый устранить последствия возможного «инцидента». Этот спектакль длился четыре с половиной часа, и они того стоили.

Я решила поехать в Милан еще и чтобы выразить поддержку этому театру.

Возможно, вы знаете, что накануне открытия сезона – именно «Борисом Годуновым» – стены театра облили красной краской, цветом крови. Возможно, вы знаете и то, что музыкальный руководитель Ла Скала Рикардо Шайи так ответил на письмо украинского консула, требовавшего отменить постановку: «Мы все поддерживаем украинский народ в ожидании окончания конфликта, но политика и ее последствия не могут диктовать условия культуре». Он также напомнил, что 4 апреля 2022 года в этом же театре состоялось бесплатное исполнение *Stabat Mater* Россини, а собранные 380 000 евро были переданы украинским беженцам. Bravo, Maestro!

В центре великого произведения Модеста Мусоргского находится исторический персонаж, которому историк Николай Карамзин устроил настоящую проверку, due diligence, в своей монументальной «Истории государства Российского». Борис Годунов стал первым «избранным» царем после того, как царица Ирина, наследница скончавшегося Федора I, удалилась в монастырь. (Да, женщину всегда нужно искать!) В течение сорока дней русский трон оставался пустым, после чего Бориса стали умолять принять власть представители Земского собора – собрания, впервые созванного Иваном Грозным и состоявшего из православного патриарха и Боярской думы. После недельного кокетства он согласился принять должность и прилагавшуюся к ней «верховную власть».

Photo : Brescia e Amisano ©Teatro alla Scala

Его судьба вдохновила поэта Александра Пушкина, чьи памятники сегодня демонтируют в Украине. Полезно напомнить, что Пушкин написал «Бориса Годунова» в 1825 году, в год восстания декабристов, в своем имении Михайловское, куда был сослан за излишнее свободомыслие и склонность к атеизму. Эта пьеса в стихах была опубликована в 1831 году, но оставалась под запретом до 1866-го. Почему цензурировать произведение, посвященное историческому персонажу? Возможно, из-за подзаголовка, который дал ему Пушкин: *Драматическая повесть, Комедия о настоящей беде Московского государства, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве*. Вчитайтесь в этот подзаголовок: в нем все ключи к пониманию произведения.

Вы, конечно, понимаете, дорогие читатели, что мое восприятие миланского спектакля было сильно окрашено нынешним контекстом, когда беда обрушилась на страну моего происхождения – беда, накликанная ею самой. Когда царь Владимир держится за свой трон и так же близок к нынешнему патриарху Кириллу, как Борис был близок к Иову. Когда все «Гришки» и прочие «самозванцы», способные посеять хаос в головах послушных граждан, уничтожаются или отправляются в тюрьму на неопределенный срок, тогда как Иван Грозный продолжает прославляться как «собиратель земли русской». Только вот слово «комедия» здесь уже неприменимо: результаты цирка под названием избирательная система и безграничная коррупция больше никого не смешат.

Существует около полудюжины редакций «Бориса Годунова» Мусоргского. Театр Ла Скала выбрал версию 1869 года – немного более короткую, без любовной линии между самозванцем Гришкой и прекрасной полячкой Мариной Мнишек. Разумеется, это решение было принято задолго до начала войны в Украине, но сегодня оно кажется особенно уместным, поскольку подчеркивает мужской, а точнее мачистский характер российского общества. Женщины в спектакле – лишь второстепенные персонажи без особого значения. Еще один важный отсутствующий элемент этой версии – народное восстание, присутствующее во второй редакции оперы,

подготовленной Николаем Римским-Корсаковым в 1872 году. И это далеко не единственные параллели с сегодняшним днем, которые бросаются в глаза.

Ильдар Абдразаков в роли Бориса Годунова Photo: Brescia e Amisano ©Teatro alla Scala

Дистанция между царем и «его» народом обозначена Пушкиным и Мусоргским уже в первой сцене их произведений и прекрасно отражена датским режиссером Каспером Холтеном. Более того, она даже усилена: хотя Борис находится в центре внимания, физически он отсутствует. Как только поднимается занавес, зритель видит статистов (хористов), разрывающих рукописные страницы: историю вновь будут переписывать. Пока Бориса уговаривают в тепле, под защитой кремлевских стен, толпа мерзнет снаружи – на дворе февраль 1598 года. Пристав (полицейский тех времен) сначала раздает портреты Бориса, затем иконы. Мольбу толпы «На кого ты нас покидаешь, отец наш!» сменяет «Gloria!». Все идеально срежиссировано, во всех смыслах этого слова.

Кстати, я особенно благодарна Касперу Холтену за отсутствие малейшей карикатуры, малейшей пошлости на протяжении трех часов спектакля – сегодня это редкость. Впечатляющая сцена коронации Бориса, со всем великолепием православного обряда, с золотыми вратами, которые распахиваются, и ковром, расстилающимся перед новым монархом, сильно напоминает кадры инаугурации Владимира Путина, транслировавшиеся всеми телеканалами мира. И на этот раз меня не смутило, что золотое облачение Бориса (партию которого исполнял Ильдар Абдразаков, верный себе и восторженно принятый публикой) заменено почти современным костюмом: тема действительно вне времени.

Первые же слова нового царя – «Душа болит» – мгновенно погружают нас в вечный спор об «особенностях русской души» (столь же вечной?) и ее отклонениях от нормы. Немного жаль отсутствия свечи в сцене рассказа Пимена (в прекрасном исполнении эстонского баса Айна Ангера) – той самой свечи, которая должна погаснуть, знаменуя конец истории. Но я готова признать, что этот выбор не лишен смысла, поскольку история, по сути, не закончена. А вот огромные свитки, сменяющие друг друга на заднике сцены, словно страницы Истории, которые переворачиваются и возвращаются назад – великолепная сценографическая находка.

Айн Ангер в роли Пимена Photo: Brescia e Amisano ©Teatro all Scala

И как не думать о том, что мы переживаем сегодня, во время сцены на литовской границе, которая – даже визуально – отделяет русское царство с кириллицей от Европы с латиницей? Пристав зачитывает указ, согласно которому все, кто пытается бежать из Москвы, должны быть задержаны и обысканы! Но – неудача: Гришке удалось скрыться. Как и многим после него. (Хочу поздравить русского баса Станислава Трофимова, которого я услышала впервые и который великолепен в роли Варлаама.)

Единственный настоящий минус, на мой взгляд, – это сцена Юродивого, ключевая в опере. Роль этого странного персонажа, имя которого переводят то как «Невинный», то, по-итальянски, как *Il folle in Cristo*, занимает всего несколько минут сценического времени. Однако в золотой век Большого театра ее доверяли только лучшим тенорам, потому что она требует сочетания особенно мягкого, но не слащавого

тембра, артистического совершенства и глубины интерпретации: именно этот жалкий «безумец» осмеливается противостоять всемогущему Царю. Для такого действительно нужно быть безумцем!

Я была несколько разочарована исполнением Ярослава Абаимова и указаниями, явно полученными им от режиссера: на мой взгляд, Юродивый должен смотреть не в зал, а прямо в глаза Борису, вынуждая того отвести взгляд – потому что перед ним возникают видения мальчиков, покрытых кровью. Представленный в советской школе как vox populi, Юродивый воплощает совесть, которая когда-нибудь настигает даже самых бессовестных из нас. Наблюдая эту сцену, меня поразило одно обстоятельство: обычно волосы встают дыбом именно в тот момент, когда Юродивый обвиняет Бориса в убийстве маленького царевича. Но на этот раз прямо в сердце мне вошло его мрачное пророчество – как нож в спину Бориса несколькими сценами позже: «…И настанет тьма, темень тёмная,/Непроглядная./Горе, горе Руси,/Плачь, плачь, русский люд,/Голодный люд!». Мороз по коже.

Каждый русскоязычный человек, даже не читавший текст «Бориса Годунова» полностью, знает финальную строку, следующую за сообщением о «внезапной смерти» Бориса и его детей-наследников – последнюю авторскую ремарку Пушкина: «Народ безмолвствует». Безмолвствует – или равнодушен. Перед нами то самое вечное молчание, которое в конце концов превращает невинных агнцев в опасных баранов.

Те, кто призывают к бойкоту русской культуры, должны, на мой взгляд, поступать ровно наоборот – распространять ее всеми способами, потому что ничто и никто не указывает на слабые звенья этой страны с такой же пронзительной ясностью, как ее великие классические произведения. Некоторые говорят, что искусство и культура бессильны перед войной. Я же наблюдаю их удивительную стойкость. Bravi tutti, grazie mille. Viva la musica, viva la poesia!

русская опера в Европе

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/31015*